

¹ Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: altai-barangol@mail.ru

² Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, 630090, Россия
E-mail: nesterov@bronze.archaeology.nsc.ru

ПРЕДМЕТНЫЙ КОМПЛЕКС ИЮССКОГО КЛАДА *

Июсский клад из бассейна р. Чулым является одним из наиболее репрезентативных собраний бытовых и культовых предметов (278 экз.) Южной Сибири эпохи раннего железа. Часть предметов из этого клада относится к так называемым «тагарским» бронзам. В их состав входят такие бронзовые изделия, как котел, зооморфное навершие, зеркала, предметы поясной гарнитуры, детали конской упряжи, украшения. Этот клад представляет собой важный исторический источник по гунно-сарматскому времени «Минусинской провинции хунну» и ее сопредельных территорий (конец I тыс. до н. э. – начало I тыс. н. э.).

Ключевые слова: Южная Сибирь, гунно-сарматский период, Июсский клад, «тагарские» бронзы, «Минусинская провинция хунну».

Клад является одним из наиболее интересных, информативных археологических и исторических источников [Плотников, 1987. С. 120]. Он представляет собой комплекс предметов, намеренно сокрытых (чаще всего в землю), после определенного процесса собирания. Исследование древних кладов – одна из актуальных проблем в мировой и отечественной археологии, так как клад является комплексным источником по древней истории и культуре определенной территории. На территории Южной Сибири кладов предметов появляются еще в мезолите, однако широкое их распространение приходится на эпоху металлов, особенно в период раннего железного века. На обширных территориях от Среднего Енисея до Верхней Оби известен целый ряд кладов, среди них: Июсский, Косогольский [Миняев, 1978. С. 26], Знаменский [Подольский, Тетерин, 1979. С. 267], Новообинцевский [Бородаев, 1987. С. 96, 97], Бурбинский [Бородовский, Троицкая, 1992] и ряд других.

Июсский клад был обнаружен Семеном Алексеичем Фёфеловым (рис. 1, 1), рабочим Июсского совхоза, при обработке поля (рис. 1, 2) около небольшого озера Сарат (старица р. Белый Июс) в середине 70-х гг. прошлого столетия. Поле это, расположенное в 13 км от поселка Июс, распаханное много лет. Когда лемех плуга, который тянул идущий впереди «Кировец», вывернул нечто громоздкое, металлическое, то Семен Алексеич вначале не обратил на это внимания. «Наверное, какая-то деталь, оставленная в поле после ремонта, а затем запаханная», – подумал он. Вдруг в глаза бросились клочья ослепительно белой бересты (рис. 1, 3), рассыпавшейся веером на вывернутых пластах черной земли. «Откуда тут береста, в открытой степи»? Семен Алексеич сошел с трактора и, ухватившись за массивные дужки, торчащие из земли, вытянул огромный котел, изготовленный из красной бронзы (рис. 1, 4). Массивный плуг прорезал поперек один из бо-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-01-00096а).

Рис. 1. Место нахождения Июсского клада и его вместилища: 1 – С. А. Фефелов (механизатор, обнаруживший клад); 2 – поле в окрестностях оз. Саратов, где был обнаружен клад; 3 – фрагмент берестяного туеса (наружное вместилище клада); 4 – бронзовый котел (внутреннее вместилище клада)

Рис. 2. Разновидности предметов Июсского клада: 1 – пряжки; 2, 3 – наконечники; 4 – бусы; 5 – пластина с противостоящими быками; 6 – округлые подвески; 7 – кольца; 8 – ложечковидные застёжки; 9 – ажурная поясная бляха (1–3, 5–9 – бронза; 4 – стекло)

ков металлического котла. В нем находилось 278 разнообразных предметов (рис. 2). В 1983 г. девять предметов из состава клада были переданы Т. В. Хвостовой для проведения их анализа.

Характеристика предметного комплекса Июсского клада как одного из крупнейших собраний бронзовых предметов юга Западной Сибири в гунно-сарматское время представляет особый интерес, поскольку это редкий

случай, когда в основном все содержимое собрания такого типа доступно для исследований практически в первоначальной комплектации (полное описание и атрибуция клада возможны только в формате каталога). Определение времени происхождения различных категорий предметов позволяет определить временной интервал, который покрывают предметы Июсского клада. В этом собрании присутствовали изделия из брон-

зы, а также органических материалов – кожи и бересты, рога, 146 стеклянных бус и 2 каменных оселка. Клад имел три вместилища – из бересты, металла, кожи.

Первым (внешним) вместилищем является берестяная емкость (туес или ведро) достаточного крупных размеров, в которую, вероятно, был помещен бронзовый котел на поддоне. Эта берестяная утварь, сохранившаяся фрагментарно, была прошита лентой из бересты (рис. 1, 3) по верхнему краю изделия и боковинам. Аналогичные берестяные емкости, но меньших размеров, известны на Среднем Енисее (Барсучиха-1), Туве (Аймырлыг, Кокэль) [Степная..., 1992. С. 431. Табл. 83, 7–19; С. 347. Табл. 78, 13; С. 428, 433. Табл. 83, 9–11; С. 346]. Наиболее крупный экземпляр берестяного ведра (размерами 26 × 23 см) эпохи раннего железа обнаружен в Байдинской пещере (Приольхонье) [Филиппов и др., 1997. С. 84, 85, 87. Рис. 11]. Размеры внешней берестяной емкости Июсского клада должны были составлять не менее 0,5 × 0,5 м. Среди таштыкских погребально-поминальных комплексов (Черноозерье II, могила 9) известна находка баночного керамического сосуда, помещенного в ладьевидный берестяной короб размером 0,58 × 0,18 × 0,15 м [Готлиб, 2006. С. 78].

Датировка вместилища для кладов является одним из самых важных обстоятельств, при установлении времени их сокрытия. Особое значение имеет и материал изделия, составляющий оболочку клада. Органика, в сравнении с другим сырьем (металлом, глиной) вместилищ, имеет более ограниченный период использования, который может быть максимально близок к времени захоронения клада. Однако для берестяных емкостей эпохи раннего железа вследствие их эпизодичной сохранности можно рассматривать датировку не ранее конца I тыс. до н. э. – начала I тыс. н. э.

Вторым (средним) вместилищем Июсского клада является бронзовый котел сакского типа на поддоне с гладкими подковообразными ручками (рис. 1, 4), декорированный по верхнему краю двумя линиями рельефных жгутовидных валиков, дуговидно сомкнутых на одной стороне предмета. Размеры этого изделия средние (40 × 35 см). Бытование котла можно отнести ко второй половине – концу I тыс. до н. э. [Степная..., 1992. С. 439. Табл. 89, 6–18; С. 216, 347.

Табл. 93, 2]. На территории Западной Сибири бронзовый котел входил в состав Холмогорского клада [Зыков, Федоров, 2001. С. 53]. От бронзовых котлов сюнну Июсский котел отличается отсутствием целого ряда морфологических признаков. Среди них П-образные ручки, наличие небольшого перехвата у горловины и прорези на поддоне [Давыдова, Миняев, 2008. С. 23. Рис. 14].

Еще одним внутренним вместилищем Июсского клада являлось кожаное изделие, прошитое у основания (днища) рельефным швом через край. Сравнительно небольшие размеры (17 × 11,5 см) этого предмета, вероятно, связаны с тем, что в нем находилась какая-то часть вещей, помещенная вместе с другими внутрь бронзового котла. Вероятно, контактом с бронзовыми предметами можно объяснить хорошую сохранность других кожаных изделий (ремней и шнурков).

Вместилища содержали различные категории предметов: украшения (бусы, подвески, бляшки, пронизи, кольца), детали поясной гарнитуры (пряжки, ложечковидные застежки, обоймы, ажурные и зооморфные пластины), оселки, зеркала (функциональные, votивные), наперстки (верхние, нижние). Особое внимание привлекает сохранность и комплектность предметов. Это единичные и серийные (пряжки, пластины, застежки) изделия, связки вещей (пряжки, бусы, кольца, бляшки), а также отдельные обломки предметов, особенно ажурных блях. Наиболее последовательно комплектность представлена для ажурных бронзовых поясных блях хуннского времени с зооморфным декором (рис. 2, 5, 9). Среди таких предметов встречаются целые (рис. 3, 1), разломленные напополам, а также отдельные половинки вещей (рис. 3, 2) и их обломки. Поверхность многих предметов залощена, а изображения металлических предметов сильно сглажены, в ряде случаев частично стерты. Такие особенности внешней поверхности, вероятно, связаны с длительным и интенсивным их использованием. Изношенность является одним из оснований предположения о достаточно длительном бытовании предметов, составивших впоследствии собрание клада.

Для отдельных разновидностей серийных вещей Июсского клада (зеркал, поясных блях, пряжек, ложечковидных подвесок, колец) наблюдается довольно близкое сход-

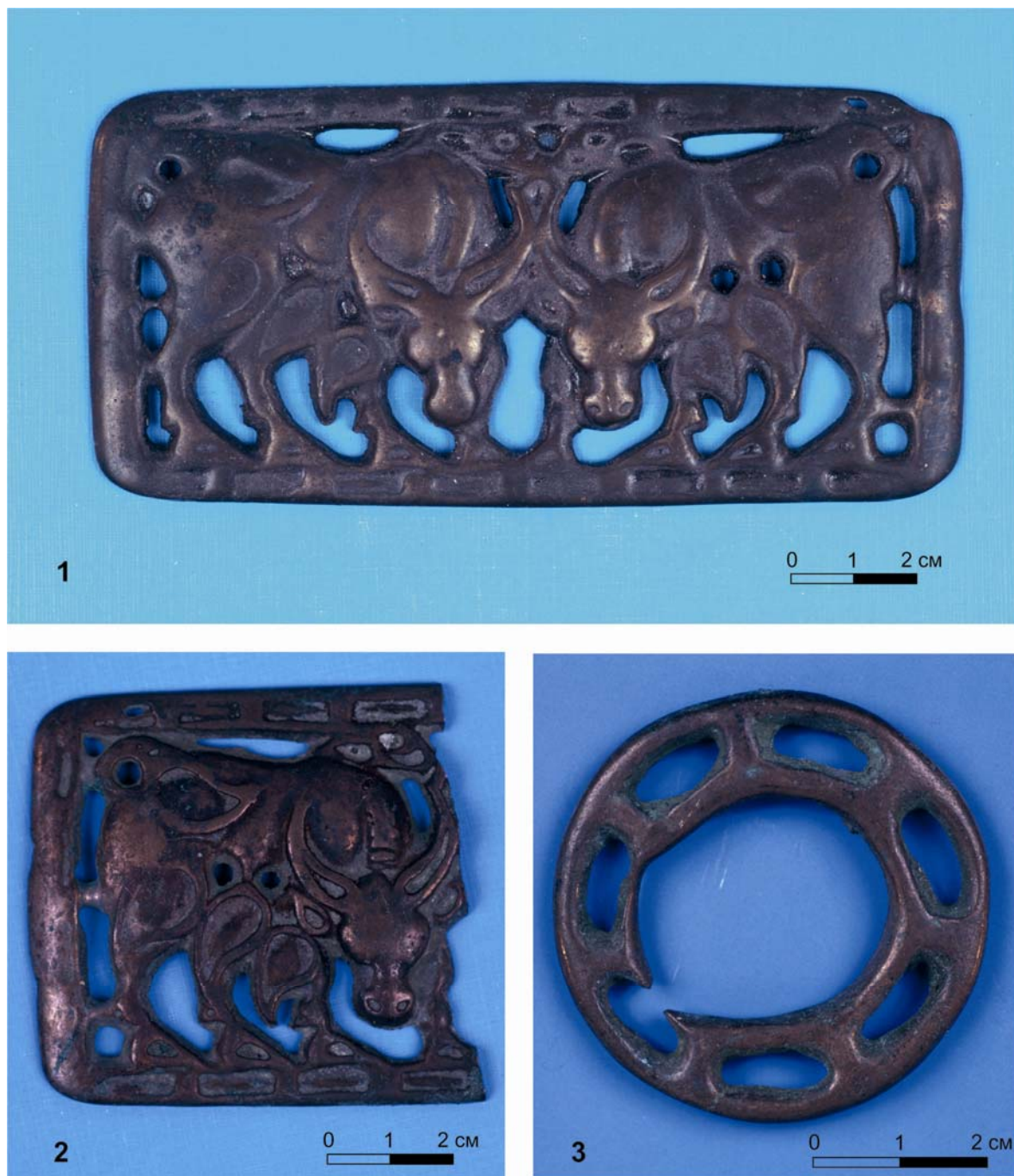

Рис. 3. Состояние предметов Июсского клада: 1 – целая пластина с противостоящими быками; 2 – половина пластины с противостоящими быками; 3 – ажурное кольцо (1–3 – бронза)

ство с инвентарем других культовых комплексов. Например, кнопчатые зеркала (рис. 4, 2) встречены не только в Июсском, но и в Бурбинском кладах [Бородовский, Троицкая, 1992. С. 60], а также в Айдашинской пещере [Молодин и др., 1980. С. 169. Табл. XVI, 2]. Присутствие бронзовых поясных обоев с прорезями характерно также

для Новообинцевского клада на Верхней Оби [Бородаев, 1987. С. 101. Рис. 3, 5; С. 105]. Значительное количество бронзовых колец известно для Айдашинской пещеры [Молодин и др., 1980. С. 162. Табл. XVIII]. Особо следует подчеркнуть, что Июсский клад располагает самой многочисленной для Южной Сибири серией ложечковидных за-

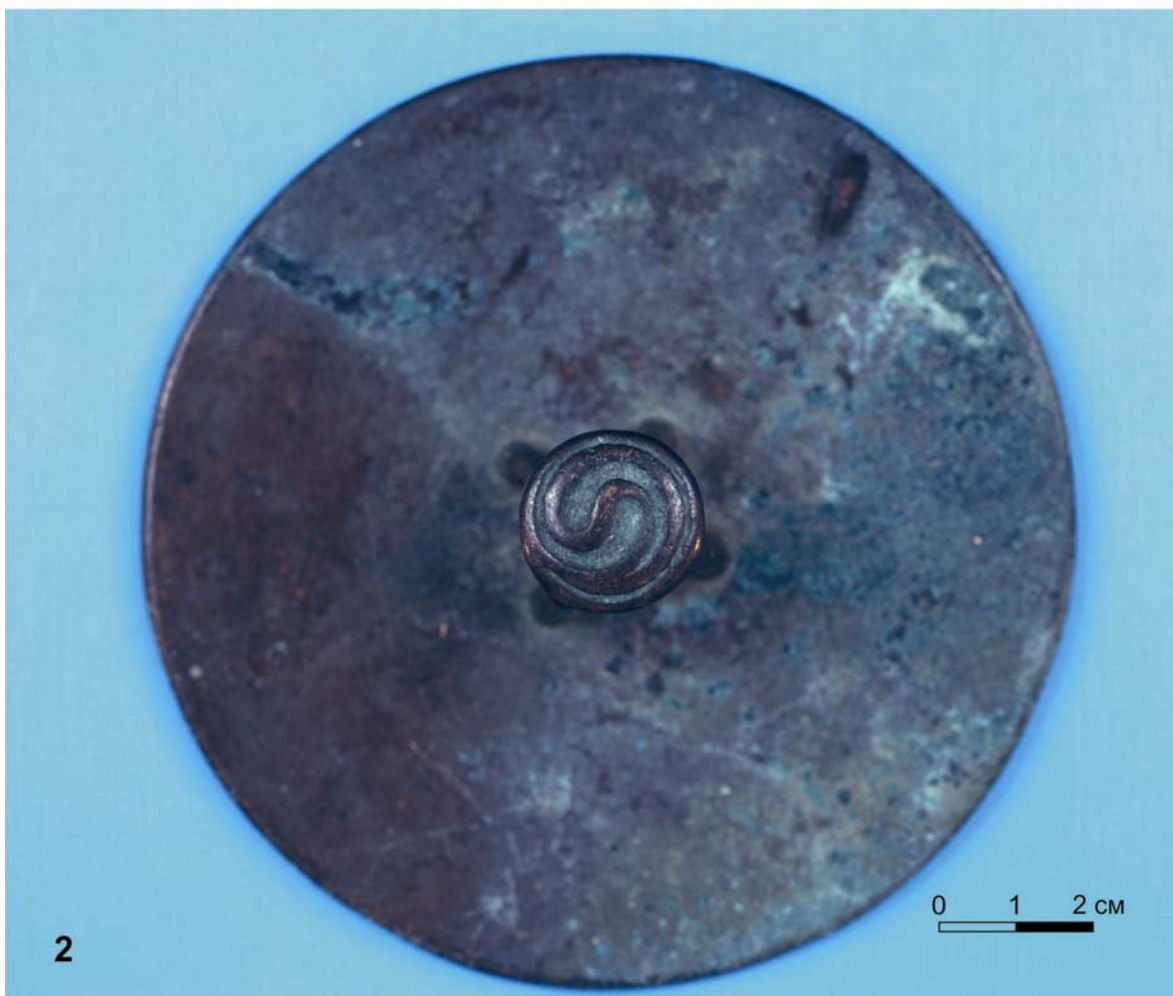

Рис. 4. Серийные бронзовые предметы Июсского клада: 1 – пластины с драконами; 2 – зеркало с кнопчатой рукоятью

стежек (рис. 2, б), пластин с изображением пары быков (рис. 3, 1, 2) и драконов (рис. 4, 1; 5, 1), обнаруженной в одном отдельном комплексе. Заметим, что в погребениях эпохи раннего железа южно-сибирского региона эти предметы представлены относительно редко и в лучшем случае одним или двумя экземплярами.

Такое сходство предметных комплексов части кладов Южной Сибири обусловлено целым рядом факторов. Среди них – эпохальность, социально-культурная значимость и ритуальная символика предметов, составивших собрание клада. В целом, датировка вещей из собрания Июсского клада укладывается в хронологический промежуток с VIII–I вв. до н. э. по начало I тыс. н. э. (детальная хронология предметного комплекса Июсского клада является темой самостоятельного исследования).

В состав Июсского клада входит несколько разновидностей бронзовых изделий. Часть предметов (котел, навершия, зеркала) из Июсского клада, как и из других аналогичных комплексов, относится к так называемым тагарским бронзам. В первой половине I тыс. до н. э. в рамках существования тагарской культуры на Среднем Енисее складывается мощный бронзолитейный центр. Высококачественные тагарские бронзовые изделия: котлы, ножи, кинжалы, подвески, зеркала, в эпоху раннего железного века получают широкое распространение по всей территории Сибири, включая северные таежные территории. Однако основная концентрация предметов тагарского бронзолитейного производства находилась в районе бассейна р. Чулым, что является следствием существования здесь в древности естественного торгово-обменного пути, связывавшего различные территории от Среднего Енисея до Верхней Оби.

Значительное количество металлических изделий Июсского клада является хуннскими художественными бронзами (рис. 2, 1, 5–8; 3; 4, 1; 5, 1) [Давыдова, Миняев, 2008. С. 56. Рис. 46; С. 57. Рис. 50; С. 99. Рис. 103; С. 105. Рис. 109; С. 107. Рис. 112; С. 116. Рис. 121]. Судя по результатам спектрального анализа Косогольского клада, такие изделия производились из местного сырья [Миняев, 1978. С. 39] на основе копирования оригинальных хуннских образцов [Девлет, 1980. С. 31; Миняев, 1983. С. 103], поэтому проведение анализов состава металла Июс-

ского клада является особой и крайне важной темой самостоятельных исследований в будущем.

В связи с этим следует обратить внимание на полусферическую бляшку из серебра. Такие серебряные предметы бытуют до II в. до н. э. – I в. н. э. [Тишкин, Хаврин, 2004. С. 305, 306]. В сибирских кладах предметы из драгоценных металлов (золота, серебра) представлены чаще всего единичными вещами. Например, в обширном собрании Холмогорского клада присутствует только одна серебряная пластина. Рентгеноспектральный анализ металла серебряной бляшки из Июсского клада позволил установить ее химический состав (%): Ag – 96,683, Cu – 1,993, Hg – 0,013, Zn – 0,004, Pb – 0,003; Au – 0,0015. Предмет относится к группе изделий, содержащих Ag–Cu с достаточно высоким содержанием серебра. Скорее всего, этот предмет, как и все изделия до первой половины I тыс. н. э., изготавливали из самородного серебра, что связано с определенным историческим уровнем обработки этого металла. Комплексное изучение Холмогорского клада также свидетельствует, что рецепты сплавов, использованные при отливке предметов этого собрания, отражают определенный этап предыстории цветной металлообработки Западно-Сибирского региона от рубежа эр до середины I тыс. н. э. [Зыков, Федорова, 2001. С. 147]. Такая особенность состава металла предметов клада имеет свое рациональное объяснение. Поскольку сам процесс целенаправленной комплектации собрания любого клада металлическими изделиями в определенный хронологический период естественным образом создает необходимые и достаточные условия для формирования очень достоверной и представительной выборки предметов, характеризующей конкретный этап металлообработки.

При всей невероятной удаче нахождения Июсского клада он был обнаружен в неслучайном месте. На восточной окраине г. Саратов размещается одно из скальных астросвятыищ, которое известно под названием Саратовский Сундук. Вся округа горы, оконеченная правым берегом очень крутой излучины Белого Июса, насыщена разнообразными памятниками (могильники, наскальные изображения, менгиры, «минальники», астропункты). Сама гора Саратов входит в границы своеобразного природно-

Рис. 5. Связки бронзовых предметов из Июсского клада: 1 – связка пряжек и пластин; 2 – связка из пряжки и колец на ремне

го региона «Сундуки», расположенного в пограничье горно-таежной зоны Кузнецкого Алатау и степей, а также топких болот и озер между речья долин Июса и Енисея. Судя по открытым в зоне Сундуков многочисленным высокогорным святилищам и живописным скальным храмам, долины Белого и Черного Июса в районе выхода рек из теснин хребтов Кузнецкого Алатау следует, видимо, воспринимать как крупнейший культово-религиозный центр севера Хакасии финала тагарской эпохи (второй половины I тыс. до н. э.).

Соотношение клада с различными культовыми объектами может быть разносторонним. Само сокрытие комплекса вещей в земле тесно связано с погребально-обрядовой практикой в древности. Предметный состав кладов (вооружение, украшения, поясная гарнитура) и характер их захоронения позволяют интерпретировать эти комплексы как материал погребений. Например, Холмогорский клад представляется как остатки ритуального захоронения нескольких посмертных изображений умерших [Зыков, Федорова, 2001. С. 62. Рис. 19]. Предметный комплекс Бурбинского клада интерпретируется Т. Н. Троицкой, как инвентарь разграбленного кургана. Действительно, случай помещения клада в погребальный комплекс эпохи раннего железа археологически зафиксирован для Знаменского клада в Хакасии [Подольский, Тетерин, 1979. С. 267]. Это собрание гунно-сарматского времени, состоящее из золотых изделий, бус, серебряных блях, серебряных заготовок (прутики, куски мятой фольги), было найдено у нижней кромки плиты тагарского кургана, прикрытое обломком стенки керамического сосуда. В отношении Холмогорского [Зыков, Федорова, 2001. С. 53–56] и Бурбинского кладов «погребальная» интерпретация все-таки будет гипотетична, поскольку она базируется на реконструкции [Там же. С. 61, 62. Рис. 19] или условном соотношении состава предметов в захоронении и кладе. Достоверность такой точки зрения вызывает значительные сомнения, хотя бы потому, что есть некоторая избыточность предметов для одного отдельно взятого погребения. На эту особенность было обращено внимание еще при интерпретации знаменитого Амударьинского клада [Амударьинский..., 1979. С. 11–15], дискуссии по поводу которого ведутся в научной среде уже более 150 лет.

Тем не менее клад – это, прежде всего, не только ценные предметы, но и довольно значительное их число, одновременно сокрытое, а впоследствии извлеченное из земли. Количество металлических предметов от одного десятка (Бурбинский клад – 12 вещей) до нескольких десятков (Новообинцевский клад – 40 изделий), и более сотни предметов (Холмогорский клад – 193 предмета) не соответствует «стандартному» набору изделий даже самых богатых захоронений своего времени в Сибири. Кроме того, ряд «знаковых» вещей в кладах представлен целыми сериями предметов. В частности, в состав Бурбинского клада входят четыре бронзовых зеркала скифского времени и с кнопчатыми рукоятями, тогда как в археологически исследованных к настоящему времени захоронениях середины I тыс. до н. э. на юге Западной Сибири присутствует по одному такому зеркалу (Чултуков Лог-1, курган 35) [Бородовская, 2009. С. 164. Рис. 4] или в исключительных случаях два экземпляра зеркал (Верх-Еланда-2 курган 13) [Кирюшин, Степанова, 2004. С. 287. Рис. 106, 1, 2].

Избыточность и серийность предметного комплекса древних кладов Западной Сибири не позволяет однозначно считать их принадлежностью сопроводительного инвентаря захоронений. Не случайно Холмогорский клад связывается не с обычным, а ритуальным захоронением [Зыков, Федорова, 2001. С. 61, 62], которое более близко по составу собрания предметов к культовым комплексам. Именно в них намеренно помещались определенные категории предметов. Такими объектами на юге Западной Сибири являются Айдашинская пещера [Молодин, и др., 1980. С. 5] и Саровское культовое место [Яковлев, 2001. С. 21–30].

В связи с возможной культовой принадлежностью собрания предметов Июсского клада любопытна еще одна случайная находка, обнаруженная в его окрестностях. Это кинжал с зооморфным декором перекрестья и навершия (рис. 6). На территории юга Западной Сибири известны всего три находки, подобные Июсскому кинжалу. Один из кинжалов хранится в коллекции, собранной И. А. Лопатиным в конце XIX в., и происходит из случайных сборов у с. Каменка Енисейской губернии [Завитухина, 1983. С. 11, 49, 88, 129, 130]. Датируется этот кинжал неоднозначно. Так, М. И. Арта-

монов отнес время отливки его к V в. до н. э., так как изображения на перекрестье клинка двух кабаньих головок, объединенных общим ухом, широко бытуют именно в середине I тыс. до н. э. [1973. С. 110]. М. П. Завитухина удревнила дату кинжала (VI–V вв. до н. э.). Второй кинжал такого типа оказался среди изделий Бурбинского клада (найден в 1958 г., передан в Томский областной краеведческий музей Р. А. Ураевым). Н. Л. Членова, отметила, что бурбинский кинжал абсолютно идентичен кинжалу с кабаньими головами из Каменки [1967. С. 132]. Еще один аналогичный, но не опубликованный кинжал был приобретен Н. П. Макаровым для Красноярского краеведческого музея в 1996 г. Он происходит из случайных находок в Минусинской котловине. Не исключено, что эти четыре бронзовых кинжала (каменский, бурбинский, июсский и минусинский) связаны с культовыми местами эпохи раннего железа на юге Западной Сибири. Основанием для такого предположения могут служить несколько фактов из археологических и письменных источников скифской эпохи.

На Алтае в культурном слое поселения скифского времени Чепош-2 в среднем течении р. Катунь был зафиксирован жертвенник из сланцевых плиток в виде круга диаметром около метра [Шульга, 1996. С. 109, 112, 117. Рис. 5, 3]. Пространство между плитами было заполнено гумусом, насыщенным мелкими обломками жженных косточек. В северо-восточной части жертвенника в слое костей находился бронзовый кинжал с обломанным в древности острием. Типологически он был близок к июсскому кинжалу и его аналогиям.

Другой бронзовый кинжал входил в состав ритуального комплекса V–III вв. до н. э. в устье р. Малой Киргизки в Томском Приобье [Плетнева, Мец, 1999. С. 145]. На самом высоком участке гривы, на площадке размером 1,3 × 1,8 м в ямке был установлен бронзовый котел. При расчистке фиксировались мелкие жженные косточки. Котел, как и яма вокруг него, был заполнен углистой землей. Вокруг котла зафиксировано 18 вертикальных ямок. Наличие бронзового кинжала и пережженных костей, возможно, свидетельствует о жертвоприношении на ритуальном комплексе с шестами. Как и в алтайских жертвенниках (Чепош-2) Средней Катунь, оно было связано с огнем. На этих

Рис. 6. Июсский кинжал (медь)

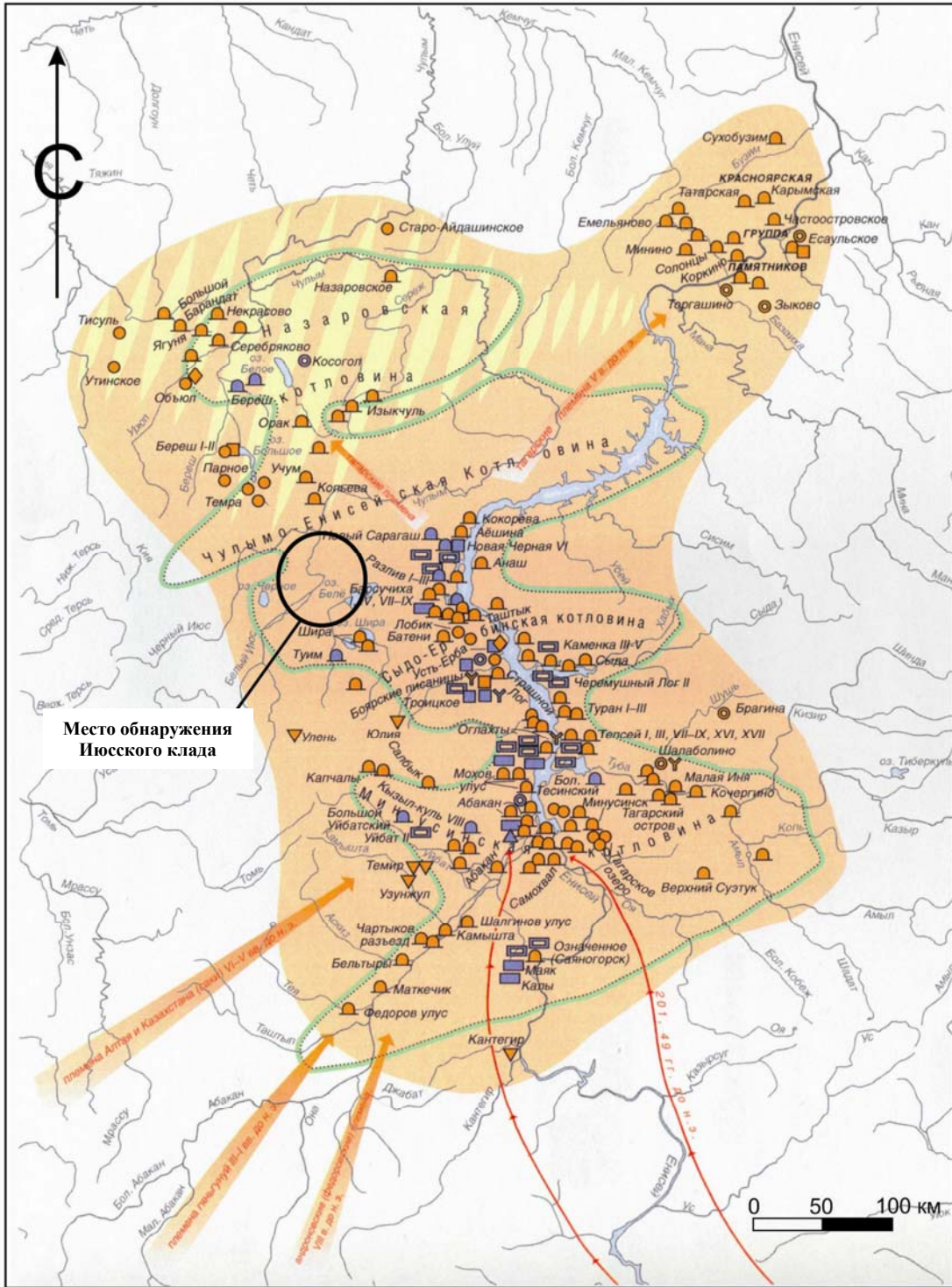

Рис. 7. Карта расположения Июсовскогоклада и основных археологических памятников тагарской культуры

ритуальных площадках совпадает целый ряд деталей: наиболее возвышенный участок местности, размеры культовой площадки, расположение бронзовых предметов в северо-восточной части жертвенника, заполнение из жженных костей в «алтарной» части святилища. Любопытно, что в античных

описаниях скифских святилищ северного Причерноморья можно найти сходные черты. По свидетельству Геродота, «в каждой скифской области по округам воздвигнуты такие святилища Аресу: горы хвороста нагромождены одна на другую на пространстве длиной и шириной почти в 3 стадии, в

высоту же меньше. Наверху устроена четырехугольная площадка, три стороны ее отвесны, а с четвертой есть доступ. От непогоды сооружение постоянно оседает, и потому приходится ежегодно наваливать сюда до полтораста возов хвороста. На каждом таком холме водружен древний железный меч. Это и есть кумир Аресу» [Геродот, 1972. С. 202]. Распространение находок кинжалов позволяет предполагать, что они являются атрибутами древних родовых святилищ различного ранга, находившихся в степной Хакасии, Мариинско-Ачинской лесостепи и Причулымье.

С хронологической точки зрения Июсский бронзовый кинжал относится к изделиям скифского времени. В Июсском кладе еще более ранним предметом является зооморфное трубчатое навершие с кольцами и объемной фигурой горного козла (рис. 2, 2). К середине I тыс. до н. э. относятся бронзовые поясные обоймы с прорезями. В Июсском кладе таких предметов три экземпляра, причем один из них имеет достаточно крупные размеры (5 × 5 см), что позволяет отнести его к еще более раннему времени (конец VI – V в. до н. э.). Заключительный период бытования этих изделий (меньших размеров) относится к III в. до н. э. [Бородаев, 1987. С. 105].

Наличие в составе собрания вещей Июсского клада нескольких связок различных предметов (рис. 5) является еще одним косвенным признаком их ритуального предназначения. Для эпохи раннего железа можно привести пример связки предметов (бронзовое зеркало с кнопчатой рукоятью на четырех ножках, две обоймы и железная подвеска) из погребения кургана № 35 Чултукова Лога-1 на Алтае [Бородовская, 2009. С. 164. Рис. 4, 4]. Еще одной более поздней «аналогией» являются связки предметов на шаманских поясах этнографического времени [Бородовский и др., 2004. С. 61. Рис. 74]. В Июсском кладе представлены связки предметов как с более ранними бронзовыми обоймами с прорезями, так и более поздними изделиями (ложечковидными застёжками, пряжками с зооморфным декором и бляшками), так или иначе связанными с поясной гарнитурой. Кожаные ремни (рис. 5, 2) прошиты и имеют определенное сходство с аналогичными с органическими предметами эпохи раннего железа [Шульга, 2008. С. 219. Рис. 28, 2, 2a].

Трехслойность вместилища Июсского клада имеет определенные параллели в «упаковке» наиболее значимых предметов,

известной в фольклорной традиции. Такая особенность лишней раз подчеркивает неординарность предметного комплекса Июсского клада, его ритуальный характер. Июсский клад (рис. 7), как и другие клады Причулымья, формировался в качестве комплекта ритуальных атрибутов со второй половины I тыс. до н. э. до периода активного хуннского влияния на Енисее в конце I тыс. до н. э. Об этом времени свидетельствуют бронзовые бляхи с быками и драконами, ложечковидные застёжки, поясные пряжки с неподвижным язычком, ажурные кольца и подвески (рис. 2, 1, 5, 6, 8). Хуннские художественные бронзы представляли собой разносторонний социально-культурный феномен. Они могли принадлежать как самим хуннам, так и быть связанными с людьми, распространявшими хуннское влияние среди местного населения, культура которых была близка к хуннской [Савинов, 2009. С. 77]. Ближайшие территориальные аналогии большинства хуннских художественных бронз Июсского клада встречаются среди сопроводительного инвентаря тесинских грунтовых могильников (Черное озеро I, Есино III) [Там же. С. 76, 77. Рис. 10]. Это обстоятельство вполне может быть связано с культурной принадлежностью клада, поскольку для тагарского погребального обряда были характерны не полномасштабные изделия, производимые по хуннским образцам, а только их миниатюрные копии [Там же. С. 77].

Временем захоронения Июсского клада, очевидно, следует считать рубеж I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. Этому периоду не противоречит время бытования наиболее поздних образцов содержимого клада и его вместилищ – берестяного туеса и медного котла.

Список литературы

- Амударьинский клад. Л.: Искусство, 1979. 96 с.
- Артамонов М. И. Сокровища саков. М.: Искусство, 1973. 279 с.
- Бородаев В. Б. Новообинцевский клад // Антропоморфные изображения. Новосибирск, 1987. С. 96–114.
- Бородовская Е. Л. Погребение с полихромными стеклянными бусами эпохи эллинизма на нижней Катунь // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 3: Археология и этнография. С. 160–167.

Бородовский А. П., Троицкая Т. Н. Бурбинские находки // Изв. СО РАН. История, филология и философия. 1992. № 3. С. 60–61.

Бородовский А. П., Кедрова И. И., Ковалева В. М., Переверзева О. В. Ульчи: Каталог коллекции музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 86 с.

Геродот История. История в девяти книгах. Л., 1972. Кн. 4, 62. 600 с.

Готлиб А. И. Новые сюжеты таштыкского искусства (предварительная публикация) // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. 2. С. 78–83.

Давыдова А. В., Миняев С. С. Художественная бронза сюнну. СПб.: Изд-во «Гамас», 2008. 120 с.

Девлет М. А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э. – I в. н. э. // САИ. М., 1980. Вып. Д4–7. 66 с.

Завитухина М. П. Древнее искусство на Енисее. Л.: Искусство, 1983. 192 с.

Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад. Коллекция древностей III–IV веков. Екатеринбург, 2001. 176 с.

Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф. Скифская эпоха горного Алтая. Барнаул, 2004. Ч. 3: Погребальные комплексы скифского времени средней Катунь. 292 с.

Миняев С. С. Результаты спектрального анализа Косогольского клада // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978. С. 26–45.

Миняев С. С. Хуннские бронзы на Среднем Енисее // Древние культуры Евразийских степей. Л., 1983. С. 101–103.

Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н. Айдашинская пещера. Новосибирск: Наука, 1980. 208 с.

Подольский М. Л., Тетерин Ю. В. Раскопки раннетагарских курганов в зоне Знамен-

ской оросительной системы // Археологические открытия 1978 г. М., 1979. С. 265–267.

Плетнева Л. М., Мец Ф. И. Ритуальный комплекс раннего железного века в Томском Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999.

Плотников Ю. А. «Клады» Приобья как исторический источник // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 120–135.

Савинов Д. Г. Минусинская провинция хунну. СПб.: Изд-во «ЭлекСис», 2009. 226 с.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Серия: Археология СССР. М.: Наука, 1992. Т. 10. 494 с.

Тишкин А. А., Хаврин С. В. Предварительные результаты спектрального анализа изделий из памятника гунно-сарматского времени Яломан II // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 300–306.

Филиппов А. Г., Алексеев А. Б., Сергиенко Т. Ю., Горюнова О. И. Берестяное ведро из большой Байдинской пещеры (Приольхонье) // Дуловские чтения 1997 г. Иркутск, 1997. С. 83–88.

Шульга П. И. Поселение Чепош-2 на Средней Катунь // Археология, антропология, этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 228–234.

Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Барнаул: Изд-во «Азбука», 2008. Ч. 1. 274 с.

Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.

Яковлев Я. А. Иллюстрации к ненаписанным книгам. Саровское культовое место. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. 274 с.

Материал поступил в редколлегию 27.04.2011

A. P. Borodovskiy, V. E. Larichev

SUBJECT COMPLEX OF IYUS BURIED TREASURE

The Iyus buried treasure from the basin of the Chulym river is regarded as one of the most representative collection of household and religious items (i. e. 278 samples) of the South Siberia of the Early Iron Age period. The part of this buried treasure items are referred to the so-called «Tagar» bronze. It includes such bronze objects as a kettle, a zoomorphic knob, mirrors, a belt set items, parts of horse harness, jewelry. The Iyus buried treasure is considered to be a historical source of information related to the Hun-Sarmatian period of «the Hun Province of Minousinsk» and its adjacent territories of the end of 1000 BC – the beginning of AD 1000.

Keywords: South Siberia, Hun-Sarmatian period, Iyus buried treasure, «Tagar» bronze, the «Hun Province of Minousinsk».